

Одному повезло, он всю жизнь смотрел на тех, кто ниже его,
и был счастлив.
Другой — всегда смотрел на тех, кто выше, и страдал.
Третий интересовался лишь теми, кто был одного с ним роста,
и прожил жизнь, вглядываясь в зеркало...

Строки из летописи

"Люблю отчизну я, но странную любовью..."
М.Ю. Лермонтов.

Странна́ страна моя, странны ее дороги,
Странны ее князья, и на иконах боги
Похожи не на тех, кто крестится на них,
И мертвые, как встарь, живее всех живых.

Странна страна моя, странны ее налоги,
И мытари странны, возведшие чертоги,
Рождяющие зависть нынешних господ,
И население — по прозвищу народ...

Странна страна моя, и я зеркально странен.
Мир предпочтя войне, я не убит, не ранен,
Но в плену, как будто, благостных желаний
Понять страну, где меньше жителей, чем граней.

Из цикла "Эмиграция"

Утро

— 1 —

Я в замке одна.
Никого, никого.
Холодное утро блестит за окном.
Забыта дорога,
Забыто родство,
Лишь думаю я
И пишу — на родном.

— 2 —

Пустой коридор за дверями притих.
Он ждет, он готов увеличить в сто крат
Значенье шагов ординарных моих
И слушать мистический этот парад.

— 3 —

Я в замке одна.
Я осталась за всех.
И жду неизвестно кого и чего.
Кусочек австрийского утра поверх
Моей головы, позабывшей родство.
И ночь проплясавший цыганский талант
Чужими шелками
Украсил мой век —
Сосед эмигрант отъезжал словно гранд,
И замком держался грошовый ночлег.

— 4 —

Дороги отсюда
Уводят в Рим.
Разъехались все.
Я, наверно, должна
Придумывать судьбы счастливые им.
За этим я в замке осталась одна.

— 5 —

Так тихо, как будто все в мире грехи
Замолены кем-то, имеющим дом.
И можно еще наболтать чепухи,
И всласть помечтать,
И писать — на родном.

Небо Италии

— 1 —

Страшно не то, что оставлен дом
И роздано прошлое неизвестно на чью потребу,
А то, что чувствую себя как фантом
Меж созвездий, расставленных по новому небу.

— 2 —

Каждый мой
Последующий шаг
Все дальше уводит от привычного ориентира.
А инакомыслящий Зодиак
Переворачивает основы мира.

— 3 —

Закрываю глаза, представляю себе небосвод
Со звездой, у которой теперь уже нет назначения.

Ночью небо России похоже на дом сирот,
Коль от каждой звезды отлучают гения.

— 4 —

Итальянское небо, в котором себя не найти,
Хоть возьми телескоп
и обследуй квадрат за квадратом...
Так умерший, проплавав еще в бытии,
Не поняв, что к чему,
не распавшись на клетку, на атом,
Наконец-то умрет, потрясенный, возле белых зеркал.
Белых-белых, как шок отразившихся близких.

Так и я,
Здрав подбородок, чтоб исполнить вокал,
В этом зеркале жизни
Не вижу самой вокалистки.

А. Г.

В Италии

— Где загорали вы? — В Италии,
На склоне года, в ноябре,
В предместье Рима, в той дыре,
Что и названья не слышали вы,
Что и на карте не искали вы,
В такой невиданной мечтании
Я загорала в ноябре.

Сияли глянцами магнолии.
Все было так, как говорю.
И тосковала я не более,
Чем принято в сием краю.
И восхищалась я: в Италии,

На этом самом берегу
Я ль очутилась, я ли, я ли? Я?..
И плыл, обернутый в фольгу
Кусочек жизни в поднебесье
Туда, где нет уже тепла,
Где я была, где быть могла —
К далекой, дорогой... К Одессе...

* * *

К.

Что нынче творится в дремучем лесу?
Наверное, холод — зима на носу,
Наверно, сверкает земля по утрам,
И веет этюдами вьюги от рам.
Прорваться хотя бы на миг из тепла
Туда, где сидит человек у стола
И чистит ружье, и глядит на огонь.
Ему на плечо положу я ладонь.
Потрется щекой о мое колдовство,
И скажет тихонько: здесь нет никого.
И как-то внезапно закончится день,
И вьюга на стекла надует мишень.
Он примется снова за чистку ружья,
И жаль, что добычею стану не я.

К Венеции

— 1 —

Зимний воздух работы венецианских мастеров
Переливается в обрамлении кварталов.

Иллюзией двойственности миров
Наполнены кладези каналов:

Там колышется роскошь зацветших илом дворов.
И плещущая о стены праматерь Хаоса
Сочленяет отражения и объекты, как сиамских близнецов,
Этажками нижнего яруса.

— 2 —

Гондола со статуэткой гондольера
Покачивается в лужице золота.

Детали собора, где для полноты интерьера
Не хватает только серпа и молота,
Веселятся и утверждают собственные каноны.
Спертые кони и фиктивные колонны
Разрастаются на солнце, будто в них подмешали дрожжи.

— 3 —

Над этими водами носился Дух Божий!

— 4 —

Венеция, ты будешь сниться всегда
Той, что смотрелась в твои каналы,
И печалилась, что не оставила ни следа,
И о будущем ничего не знала.
Снись ей,
Как страннику снится Кров,
Чтобы не шел в бездуховном унынии,
Снись — вместо вытатуированных снов
На мозга исколотой половине,
Когда имя, написанное по-латыни,
Отчуждается от его родослов,
И когда шлагбаум опускается под стать гильотине —
Снись!